

ЯРОСЛАВ НИКИФОРОВ

Модернизация в социологическом дискурсе Н. Г. Чернышевского

Одной из самых значимых фигур русской общественной мысли 60-х годов XIX века без сомнения был и остается Н. Г. Чернышевский. Трудно переоценить влияние, оказанное им на последующие поколения мыслителей. Как заметил один из первых представителей русской социологической школы Н. И. Кареев, «сочинения Чернышевского заключают в себе громадный материал суждения о том, что и как он думал по тому или другому из тех вопросов, которые вскоре после его насильственного изгнания из жизни начали ставиться и решаться в русской литературе, но весь этот материал рассеян, разбросан по разным местам, отдельные составные его части возникали по разным случайным поводам, и все это никогда им самим не сводилось в систему, в некоторое целое, которое могло бы рассматриваться им самим как научное единство»¹. При этом, по мнению Кареева, нарисовать контуры «социологии Чернышевского» совсем несложно — достаточно только разобраться в этом материале; но это будет уже синтез, не вполне репрезентативный.

¹ Н. И. Кареев. Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 31.

Думается, что проблема объединения составных частей социологических размышлений Н. Г. Чернышевского без искусственной подгонки их под систему научной системы социологии может быть решена с помощью введения в анализ дискурсивного инструментария. В большей части публицистических и художественных работ Н. Г. Чернышевского разворачивается присущий только ему своеобразный способ трактовки и объяснения социальной реальности, проявляется стремление к улучшению социальной ситуации на базе рационализации мироустройства. Специфической особенностью социологического дискурса Чернышевского являются его иносказательность, изощренность форм выражения основной мысли, осторожность высказываний, стремление вложить максимум смысла в ограниченные рамки подцензурного текста. Именно в этом следует искать причины появления бесчисленных, подчас противоположных друг другу вариантов интерпретации идей мыслителя.

Одним из наиболее значимых для современности вопросов, занимавших Чернышевского-социолога, являлась проблема модернизации. Хотя само это понятие появилось значи-

тельно позднее, однако связанные с ним явления несомненно привлекали образованное русское общество во времена Чернышевского. То была эпоха реализации одного из наиболее значимых отечественных модернизационных проектов — реформ Александра II (1856—1881), когда реформированию подлежали не только технологии, но и социальные институты. Ставшая очевидной после Крымской войны военная слабость России потребовала коренных перемен. В период их подготовки и проведения (прежде всего — отмены крепостного права в 1861 году) в русском обществе шли активные обсуждения способов и вариантов их реализации. Начиная с 1859 года Чернышевский стал участником этой дискуссии. Именно размышления о сути предстоящей реформы привели его к вопросу об основаниях, путях и способах запуска такой системы социальных изменений, результатами действия которой стало бы кардинальное «улучшение человеческой жизни»². В этом контексте Николай Гаврилович осмысляет два вечных русских вопроса — «Кто виноват?» и «Что делать?».

Сложность развития модернизационных процессов в России Чернышевский объяснял формулой «всемогущее государство — подданные, лишённые инициативы». Он обращал внимание на вертикальный характер системы, которая «спускается» вплоть до самых низов народа, связывает всех жителей империи посредством властных отношений, воспринимаемых на каждом уровне в качестве абсолютных. Единообразная вертикальность всей русской жизни, по мнению Чернышевского, придавала самодержавию значение социальной системы, охватывающей все насе-

ление, и в то же время формировала менталитет, соответствующий вертикальному характеру системы. «Основное наше понятие, упорнейшее наше предание — то, что мы во все вносим идею произвола, первое условие успеха, даже в справедливых и добрых, намерениях, для каждого из нас то, чтобы другие беспрекословно и слепо повиновались ему».

«Возведение послушания в высший абсолютный закон» — вторая черта, определяющая устойчивость системы. В России времен Чернышевского, по его мнению, господствовала «вера в одни, раз навсегда определенные и закреплённые формы... все идет машинально, раз навсегда заведённым порядком». Третья черта определяла образ России как империи «обезличенных» подданных. Будучи причиной или результатом действия механизмов социальной действительности, «обезличенные люди» теснейшим образом связаны с отсутствием общественной солидарности и с уже отмеченным выше отсутствием духа сопротивления. Соответственно, не имеет смысла обращаться к той или иной социальной категории, чтобы осудить ее или на нее надеяться, так как обезличенность, которой добилась самодержавная система, не подвластна стихийному развитию социальных конфликтов. Результатом подобной гомогенизации является «разложение человеческой природы»³.

Здесь мы подходим к центральной идее Чернышевского: общество в России не может родиться благодаря естественной эволюции. Раскрепощение сопряжено здесь с неотъемлемым предварительным условием: область социального надо еще создать. Но «естественные» силы и «естественный» путь отсутствуют, так

² Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. В 16 т. М., 1939—1953. Т. 3. С. 302.

³ См. Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. 7. С. 874.

как классы социально и политически не конституированы, они остаются составной частью системы, антиполитичной по определению⁴.

Что же предлагает Чернышевский в качестве программы действия по преодолению сложившегося положения вещей? Он считает, что для достижения необходимого уровня общественного развития следует освободиться от системы: это задача новых людей, которые призваны извне привнести гражданское сознание в народные массы. Чернышевский пишет: «Недавно родился этот тип и быстро распложается. Он рожден временем, он знамение времени, и, указать ли? — он исчезнет вместе со своим временем, недолгим временем. Его недавняя жизнь обречена быть и недолгою жизнью. Шесть лет тому назад этих людей не видели; три года тому назад презирали; через несколько лет, очень немного лет, к нему будут взывать: “спасите нас!”, и что будут они говорить, будет исполняться всеми; еще немного лет, быть может, и не лет, а месяцев, и — станут их проклинать, и они будут согнаны со сцены, ошиканые, страшимые»⁵.

Ключевое слово здесь — «тип»: новые люди могут появиться в качестве воплощения социального проекта, альтернативного действительности, только если они уже составляют новый общественный «круг». «Эти люди среди других, будто среди китайцев несколько человек европейцев, которых

не могут различить одного от другого китайцы, на их глаза, ведь и французы такие же, как англичане. Да китайцы и правы: в отношениях с ними все европейцы, как один европеец, не индивидуумы, а представители типа». Парадоксально, но отличительной чертой «новых людей» является то, что они — «обыкновенные люди»: «Я хотел изобразить обыкновенных порядочных людей нового поколения, людей, которых я встречаю целые сотни». В романе «Что делать?» предлагалась всесторонне разработанная программа поведения, учитывавшая все — от важных общественных поступков до мельчайших деталей домашнего распорядка. Мыслитель сознательно конструировал героев своего романа как образцы человеческой личности (типы), пригодные для воспроизведения в реальной жизни.

Социальная группа, в которую входил сам Чернышевский и которая должна была стать исполнителем программы модернизации всего русского общества, только зарождалась и еще не получила точных социальных характеристик, представляла собой область социального моделирования. Обычно возникновение новой группы порождает у окружения негативные реакции, поскольку приводит к перераспределению ресурсов, а потому новая группа оказывается в ситуации, когда она должна заимствовать идеологию — и при этом делать ее своей, работающей на себя. Сложность ситуации усугубляется еще и тем, что состав этой новой группы неизбежно смешан, включает членов старых групп. Как раз начало этого процесса формирования культуры «новых людей» мы и обнаруживаем в романе Чернышевского. Кто же эти «добрые и сильные, честные и умеющие», ради которых пишет Чернышевский? Откуда они взялись?

⁴ Все это указывает на особую роль государства в процессах модернизации. Оно является первым и основным агентом изменений, одновременно выступая главным носителем русской идентичности. Это системное противоречие, которое приводило и приводит по сей день к тому, что отечественные мыслители рассуждают о любых социально-политических явлениях, имея в виду оппозицию «общество — государство».

⁵ Н. Г. Чернышевский. Что делать? Л., 1975. С. 149.

Первый источник человеческих ресурсов для «новых людей» — мещанство. Отсюда пришла главная героиня — Вера Павловна. Второй — дворянство. Здесь формируется характер Рахметова. Для Чернышевского главное в дворянстве — идея долга и службы, которая входит в число значимых элементов дворянского существования. Наконец, есть и третий источник, не имевший такого общепонятного названия, как первые два. Это группа образованных людей, живущих за счет использования своих знаний, — врачей, учителей, ученых, юристов и пр. Общество всегда нуждается в услугах этих людей, однако конкретный способ обеспечения их существования зависит более всего от распределения ресурсов внутри общества. Пожалуй, вернее всего название, предложенное Писаревым: это «мыслящий пролетариат»⁶.

Именно эта группа и дает наибольшее число «новых людей». В основу ее идеологии положены представления мещанства: главный смысл существования человека — польза. Приверженность идеологическому наследию мещанства можно объяснить двояко: с одной стороны, это идеология непосредственных предшественников интеллигенции, многие «новые люди» происходят из мещанской среды. Но гораздо более существенным оказывается второй фактор: чтобы быть убедительной, новой идеологии требуются быстрые успехи, доказательств собственной эффективности. Добиться успехов в рамках дворянской идеологии «новым людям» вряд ли удастся — дворянская иерархия слишком внимательно относится к допуску в свои ряды претендентов

со стороны, да и успехи, возможные в этой иерархии, зависят от государственной власти. Мещанская же идеология подкупает своим демократизмом: будь умнее, хитрее, энергичнее других — и сразу же получишь вознаграждение, капитал, с которым можешь поступать по своему усмотрению, хоть в дворяне идти.

Итак, главное слово «новых людей» — польза. Однако это слово лишь на первый взгляд синонимично слову «выгода», определявшему существование буржуазии. «Новые люди» должны противостоять не только дворянам, но и буржуазии, иначе они будут ассимилированы буржуазией. Польза должна быть не личной, но общей. «Новые люди» не просто ограничивают свои устремления к выгоде, учитывая интересы других людей, — они отказывают себе во множестве полезных и желательных вещей ради интересов других. Объяснение же, что польза другого человека лишь увеличит их собственное удовольствие, уж слишком похоже на рационализацию, чтобы вправду удовлетворять кого-либо. Наряду со словом «польза», противопоставляемым буржуазной «выгоде», идеологию «новых людей» определяет слово «работа». Жизненные блага должны доставаться только в результате серьезных усилий, а не права наследования. Формула новой идеологии — работа ради пользы других. «Новые люди» — не собственники, но и не слуги; они следуют зову сердца, проверяя его строгими расчетами выгод; они исходят из своего собственного представления о долге.

Основаниями модернизации Чернышевского, думается, можно считать следующие. Во-первых, в контексте современных ему социально-исторических условий он считал главными препятствиями для проведения мо-

⁶ См. Д. И. Писарев. Собрание сочинений. В 4 т. М., 1956. Т. 4. С. 12.

дернизации вертикальный характер системы власти, обезличивающий и лишаящий инициативы все слои общества. Во-вторых, единственным выходом из порочного круга он видел индивидуальное освобождение от системы, следствием которого станут социальные изменения. И, наконец, в-третьих, с такой задачей оказывалось под силу справиться только новому социальному актору, «новым людям», группе, формирующейся из осколков «старых» слоев. Лишь переняв у них наиболее социально передовые черты и соединив их с собственным образом будущего страны, «новые люди» смогут произвести значимые социальные сдвиги, которые станут по-настоящему модернизационными.

Вопрос о механизме модернизации Чернышевский решал в духе своего времени. Так как основным инструментом преобразования социальной реальности, которым он владел, был письменный язык, то и основная созидательная деятельность переносилась на область публицистики и литературы. Чернышевский ввел в свою систему представление об активном начале в литературе: оно должно было не просто отражать действительность, но и пересоздавать ее.

Основные положения, реализация которых, с точки зрения Чернышевского, превращает литературно-публицистическую деятельность в механизм социального изменения, выглядят следующим образом. Во-первых, литература мыслилась им как

непосредственное и точное воспроизведение социальной действительности, максимально приближенное к эмпирическому объекту. «Роман, комедия, трагедия, лирическое стихотворение, — замечает он, — должны одинаково изображать действительность, изображать людей, характеры, действия, чувства такими, какими бывают они в действительности»⁷.

Вопрос о механизме модернизации Чернышевский решал в духе своего времени. Так как основным инструментом преобразования социальной реальности, которым он владел, был письменный язык, то и основная созидательная деятельность переносилась на область публицистики и литературы.

Во-вторых, ориентация литературы на науку, придающей ей объективность подлинно научного анализа и, таким образом, надежного руководства к действию: «...статья... может служить предисловием к изложению понятий нынешней науки...»⁸. В третьих, литература, беря материал из жизни, реорганизуя его и затем возвращая в жизнь как объект для подражания и реализации, преобразует современную реальность и перестраивает современного человека, то есть творит будущее.

⁷ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 807.

⁸ Н. Г. Чернышевский. Собрание сочинений. В 5 т. М., 1974. Т. 4. С. 220.

Герцен засвидетельствовал действительность творческих усилий Чернышевского: «Странная вещь — это взаимодействие людей на книгу и книги на людей. Книга берет весь склад из того общества, в котором возникает, обобщает его, делает более наглядным и резким... Русские молодые люди, приезжавшие после 1862 года, почти все были из “Что делать?”...»⁹

Историк же русской общественной мысли Нестор Котляревский писал о Чернышевском: «Есть имена, которые покрывают собою духовную работу целого поколения, деятельность огромного числа лиц, иной раз лиц очень самостоятельных и сильных. Имя одного человека становится выразителем массового движения — движения не темной массы, а целых групп. Для молодого поколения 60-х, в его радикальных группах разных оттенков, имя Чер-

нышевского было таким условным именем»¹⁰.

Каждая крупная социальная группа имеет свой образ будущего. Двигающей идеологической силой любой модернизации является стремление воплотить эти образы в жизнь, цель модернизации — реализация социальных проектов, которые должны организовать реальность таким образом, который представляется его авторам наилучшим. Единственная возможность повлиять на этот процесс — определить свои приоритеты и, присоединившись к той группе, которая разделяет с тобой эти приоритеты, попытаться воплотить их в жизнь. Творчество и вся жизнь Чернышевского остаются одной из самых масштабных попыток сформулировать и реализовать такой проект в нашей истории. ◆

⁹ А. И. Герцен. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 20. Ч. 1. М., 1960. С. 337.

¹⁰ Н. Котляревский. Канун освобождения, 1855—1861. Из жизни идей и настроений в радикальных кругах того времени. Пг., 1916. С. 256.